

Советский ЖУРНАЛИСТ

№ 7 (279)

4 ДЕКАБРЯ

1990 г.

Газета основана
4 декабря
1958 г.

УЧЕБНАЯ ГАЗЕТА ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. А. М. ГОРЬКОГО

НОЧЬ ПОСЛЕ ПОГРОМА,

который не состоялся

Ночь ожидалась кровавая, с погромами и прочими хулиганскими выходками. Но погромы не состоялись. Впрочем, один погромщик все-таки объявился. Движимый винными парами, рабочий М. добросовестно сокрушил шесть больших зеркал в холле родного общежития, искоренил несколько декоративных растений и разбил магнитофон в комнате своей знакомой. Встрече с милицией М. очень удивился, но еще больше поразил его тот факт, что в Уголовном Кодексе существует статья, предусматривающая ответственность за подобного рода «подвиги». Пожалуй, это был первый и последний погром той субботне-воскресной ночью.

«Ничего серьезного не произошло — и хорошо!». Эту фразу часто приходится слышать от людей с большим стажем службы в милиции. И без национальных конфликтов дежурному по Верхнепышминскому ОВД капитану милиции И. Никитину, его помощнику — сержанту милиции А. Никитину и их коллегам, дежурившим в те беспокойные часы, дел хватило до самого утра. Лишь к рассвету, расправившись с горами бумаг на столе, ответив на все телефонные звонки, в неожиданно наступившей тишине милиционеры позволили себе немного расслабиться и поговорить на отвлеченные темы. Но заходила ли речь о культуре или о системе образования — мы постоянно возвращались к проблемам милиции, несовершенству нашего законодательства, росту преступности. Да и как не вспомнить о них,

Снова в Верхней Пышме неспокойно: разносит по городу мусорный ветер подметные письма с призывом к очередному цыганскому погрому. Недавние события повторились один к одному. Авторы «Обращения» пока неизвестны, хотя правоохранительные органы уже располагают кое-какими данными.

В субботу, 27 октября, городская газета «Красное знамя» опубликовала другое «Обращение»: старейшин мусульманского общества города. Уважаемые люди призывали своих земляков одуматься и не идти на поводу у так называемой партии «мусульманских штурмовиков».

— Это не партия, какая-то кучка людей, которая не имеет реальной поддержки у татаро-башкирской части населения города, — считает Рафис Лукманов, председатель постоянной комиссии по культуре и национальным традициям, — все их претензии — детский лепет, взятый с потолка, и никто их не уполномочивал говорить от имени мусульман города.

В Верхней Пышме пока спокойно. Погромы не состоялись, спекуляция в цыганском поселке полностью прекратилась, а сами цыгане спешно покидают город. Пошла третья неделя национального беспредела. Что она оставит верхнепышминчанам — покажет время.

О. ПАВЛОВИЧ.

если пять минут назад перед тобой невинно моргал глазами малолетний насильник или грабитель, а может быть, и тот, и другой в одном лице? Как не поговорить об отсталой милицмейской технике, если автомобиль, на который легла основная нагрузка службы, заводится лишь в том случае, если его

хорошенько толкнуть с горки? И как представить работу на машине без топлива? В пьяном угаре женщина ножом ударила выпивавшего с ней мужчину. Человек попал в больницу, характер ранения неизвестен, и по закону даму необходимо отпустить на все четыре стороны, ведь если ранение легкой

степени, то пострадавший сам решит вопрос о привлечении своей подруги к ответственности. А вот если ранение тяжелое — заводится уголовное дело независимо от воли пострадавшего. К счастью, оказав сопротивление работникам милиции, хулиганка совершила тем самым еще один проступок, и со свободой ей пришлось немного подождать. А там и характер был установлен...

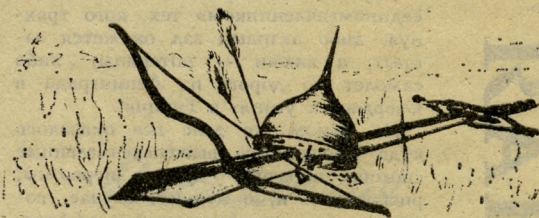
Правоохранительные органы, конечно же, не всемогущи. И зря обижается другая женщина, с которой злоумышленник сдернул шапку в темном подъезде: заявить в милицию об этом происшествии она решилась лишь через сутки. Время упущено, поиск преступника значительно усложнился. Но работа есть работа. Группа выезжает на место, опрашивает соседей и пишет, пишет, пишет... Вообще в милиции очень много работы с бумагами. Рапорты, объяснения, протоколы. Но часто не хватает техники, необходимого оборудования, лабораторий. У ГОВД Верхней Пышмы своей криминалистической лаборатории тоже нет. Пока из Свердловска придут результаты, сколько будет потеряно драгоценного времени!

Дорого иной раз приходится платить за техническую и материальную отсталость наших правоохранительных органов. Цена — нераскрытые преступления, наглость преступников, сознающих свою безнаказанность, как следствие, дальнейший рост преступности.

Алексей СИДОРСКИЙ.
г. Верхняя Пышма.

АНОНС! АНОНС! АНОНС!

БЫЛО! БУДЕТ?

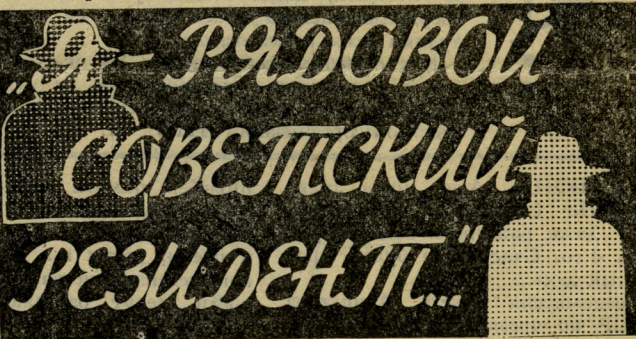

«Там, за стеной высокой...»

(Записки сотрудника

следственного изолятора)

Петр НЕФАГИН:

АНОНС! АНОНС! АНОНС!

Великий вождь товарищ Ким Ир Сен осматривает Санхонское цементное объединение.

Я недавно вернулся с Сахалина, так там девочка подарила дорогому товарищу Ким Чен Иру, сыну Великого Вождя Ким Ир Сена, рисунок. Ким Чен Ир пре-

зентовал девочке большую коробку гостинцев.

На том же Сахалине живет Миша Пронин. Когда он учился в девятом классе, стал победителем такого кон-

ПОИМЕТЬ «КИМ ИР СЕНА»

курса и поехал на Всемирный фестиваль молодежи в Пхеньяне. Сейчас Миша учится в 11 классе и в середине ноября поедет в США, так как стал победителем другого конкурса.

Всем, кто бывал в Северной Корее, я задавал один и тот же вопрос: «Ну, как там насчет культа?» Все отвечали: «Вы знаете, не заметили!», один чиновник счел нужным отметить: «Там культ детей». И только смелый советский школьник Миша Пронин сделал ряд ценных наблюдений в стране истинного социализма:

— Весь народ поголовно ходит со значками с изображением Ким Ир Сена, начиная с пионеров и кончая взрослыми. Они обязаны носить значки с его изображением. Потеря значка сильно карается.

— И как это карается?

— Посылают на рисовые плантации. Кореец, вернувшийся из Советского Союза (неважно, чем он там занимался — учебой или чем-то

другим), отправляется туда на месяц — дурь советскую выбивают...

— Давайте все-таки разберемся со значками: за их потерю какой срок грозит?

— Раз появился на улице без значка — предупреждение, два появился — второе предупреждение, три — принимаются меры вплоть до ссылки. Ну, а за потерю сразу отвезут... Где-то месяц, может больше, может меньше, я точно не могу сказать.

В нашей советской делегации все очень хотели получить значок с Ким Ир Сеном, очередь образовалась человек в пятьсот. Но так практически никто и не получил его — корейцы не хотели с ними расставаться, ведь значки номерные и потеря их жестоко карается.

— Много ли ликов Великого Вождя на улицах?

— Очень много мозаик, бронзовых памятников Ким Ир Сenu. Где родился Ким Ир Сен — музей. Там, где Ким Ир Сен помог дедушке полить грядки из лейки — па-

мятник: они сидят, разговаривают и лейка рядом с Ким Ир Сеном. Множество картин — Ким Ир Сен высокий, красивый как Бог, а вокруг него народ в половину его роста, и все тянут к нему руки. Спустился Бог на землю и пришли верующие увидеть его...

В Пхеньяне можно наблюдать три основных монумента — монумент идеям Чучхе, монумент Чао Линя и Триумфальная арка с датой 1925—1945 — это значит, что в 1925 году Великий Вождь товарищ Ким Ир Сен покинул Корею, а в 1945 вернулся. Все эти памятники невероятно больших размеров.

На улицах мы наблюдали массу японских автобусов, как нам по секрету сказали корейцы, эти самые автобусы целый месяц перед фестивалем пустые колесили по Пхеньяну. Зачем? Накапывали километры — с виду совсем новые, а на счетчике тыщи пройденного пути — вот, мол, как мы хорошо относимся к технике.

— Вас там кто-то опекал? Компетентные работники, люди в штатском пасли?

— Думаю, что за нами все-таки следили, особенно когда выходил в город. Один человек постоянно за тобой идет, по ходу могут поменяться. Хорошо организованная слежка. Один раз мы попытались избавиться от этого навязчивого внимания: нас было шесть человек, за нами шли двое. Один район Пхеньяна мы знали неплохо, и мы договорились, что сейчас разойдемся, а через какое-то время у крытого катка встретимся. Так и сделали — агенты поначалу растерялись: в чем дело? Но потом сориентировались — еще кого-то подняли со скамеечек... Подошли, что-то показали, те поднялись и за каждым из нас пошло по человеку.

Что тут еще сказать? Можно, наверное, только порадоваться, что это в Северной Корее такой расторопный и легкий на подъем народ... А может радость эта преждевременна?

И. ШЕРЕМЕТ.

ЧТО И ПОЧЕМУ НЕ ВЫШЛО У ГОСПОД АНТИСОВЕТЧИКОВ

„ДВОЙНАЯ ИГРА“, или

МНОГИЕ свердловчане, конечно, обратили внимание на появившуюся не так давно в «Вечерке» скромную заметку, суть которой поистине впечатляет. Еще бы: к нам, в пока еще закрытый и пока еще Свердловск едут два члена правления (страшно подумать) НТС — Б. Г. Миллер и Н. А. Макова — одни из руководителей этой эмигрантской антикоммунистической организации. Было объявлено о намеченной ими встрече со свердловской общественностью 28 октября в актовом зале горисполкома, на которую приглашались все желающие.

ПРИЗНАЮСЬ сразу, с большими сомнениями шел я на эту встречу. Ну никак не может мероприятие подобного рода пройти буднично, «без сучка и задоринки». Что угодно может — а это не может. Шутка ли — начальники самых ярых антисоветчиков в мире возжелали провести свой шабаш в самом неприступном для иностранцев миллионном городе страны, да еще и этажом выше горкома КПСС. Да разве же Партия, особенно в лице своего «вооруженного отряда», может примириться с эдаким разгулом плюрализма?

Нет, либо автомобиль по дороге из гостиницы трахнут по борту, причем, тот, кто трахнет, обязательно будет с внучкой и бабушкой и назовется «единомышленником» тех, кого трахнул, либо актовый зал окажется закрыт, а ключи — потеряны, либо самолет по дороге из Ленинграда в Свердловск угонят в Турцию.

На самом же деле все оказалось куда проще. Все вышеперечисленные способы поразить врага нервными, рискованными и, в лучшем случае, возымели бы кратковременный эффект. Самое умное — вообще не пущать в СССР. Даже на берега Невы, по которым еще в августе сего года беспрепятственно разгуливал знатный антисоветчик Миллер.

Мешало одно обстоятельство. Местный ОВИР 17 октября, после распоряжения предгорсовета Ю. Е. Самарина, дал «добро» на въезд Миллеру и Маковой. Визы на руках — кажется, «поезд ушел».

Но откуда лакеи ЦРУ радовались в предвкушении того знаменательного момента, когда они вступят на сверхнедосягаемую ранее землю, ситуация резко изменилась.

Как сообщила собравшимся 28 октября в горсовете свердловчанам и представителям городов области член местной организации НТС И. Ю.

Максимова, 25 октября ей позвонили из отдела частных приглашений иностранцев ОВИРа и сообщили, как приглашаемому лицу, что въездные визы Миллера и Маковой... аннулируются. Только после совместного похода в ОВИР с адвокатом С. Котковым и народным депутатом СССР Г. Бурбулисом, Максимовой удалось выяснить, что причиной такого неожиданного решения послужил звонок из Ленинградского ОВИРа. Миллер-де в своей августовской поездке в Ленинград якобы нарушил правила проживания в нем иностранцев, и его вообще хотят лишить права въезда в СССР. Однако Бурбулису в присутствии председателя горсовета удалось дозвониться в Ленинград, откуда сообщили, что к гражданину Чили Б. Миллеру местные овировцы никаких претензий не имеют. Постепенно всем участникам этой истории стало ясно, что кажущаяся противоречивость действий ОВИРа — следствие «двойной игры» наследников славных традиций железного Феликса. Именно на это в конце концов наемники и овировцы.

Между тем Б. Миллер и Н. Макова, уже с авиабилетами на руках, так и не получив письменного решения ОВИРа об аннулировании их виз, все-таки решили ехать. Из Парижа они, конечно, вылетели, но в ленинградском аэропорту их поджидали работники КГБ, которые вскрыли их, уже зарегистрированный на советской таможне багаж, что является нарушением законов, и три часа задавали разные вопросы.

«Нам было предложено «по-хорошему» отправиться домой», — лаконично поведал Миллер приглашающей стороне, когда та поинтересовалась, каков же был результат «торжественного приема» в «Пулкове».

Как в известной агитке: «Только Пулково понохал — получил прикладом в ухо».

Однако возникает вопрос: почему же КГБ не препятствовал поездкам предводителей НТС в Москву и Ленинград летом этого года, неделю не реагировал на выдачу им въездных виз Свердловским ОВИРОм и только в самый последний момент решил таки отпустить перед агентами мирового империализма «железные занавесы»?

Сам Миллер объясняет это так. Когда он гостил в Москве, ему позвонили из «органов» и пригласили потолковать, как «профессионала с профессионалами». Местом аудиенции назначили гостиницу «Россия». Порадившись, Борис Григорьевич решил сходить, но обязательно в присутствии свидетеля. С ним пошел литературный сотрудник энтэзовского издания «Посев» Глеб Онищенко. Их встретили, но потребовали «третьего лишнего» — удалиться. А руководителю НТС, в свою очередь, разговор тет-а-тет, результаты коего можно было бы исказить как угодно, никак не улыбаясь. Беседа про-

фессионалов не состоялась...

Отсюда Б. Г. Миллер делает естественный вывод: нынешний культизм с визами — тривиальнейшая месть чекистов на его нежелание контактировать с ними.

Выступивший перед свердловчанам председателем комиссии по гласности горсовета С. Ячевский охарактеризовал этот случай как наглядный пример того, что управления МВД и КГБ подчиняются не советской власти, а своим союзным структурам. Ячевский заявил о необходимости начать депутатское расследование по этому вопросу, с заслушиванием на сессии горсовета руководителей Свердловского ОВИРа и УКГБ.

Приглашавшие Б. Г. Миллера члены местной организации НТС передали его извинения перед жителями Свердловска за сорванную встречу с ними, а также обещание приехать в декабре этого года, когда наш город либо окончательно «откроют», либо окончательно «закроют».

А. БОЛКОВСКИЙ.

Историческая справка

НТС — НАРОДНО-ТРУДОВОЙ СОЮЗ российских солидаристов. В октябре 1990 года ему исполнилось 60 лет. Программная цель — демонтаж большевистской государственной машины и возрождение России на принципах солидаризма — объединения людей на общих началах — родина, язык, культура, история, религия. Философская база — наследие Булгакова, Бердяева, Франка и других русских философов. НТС считает себя христианской организацией.

Советской пропагандой НТС обвинялся в связях с германскими нацистами. На деле же он был запрещен в гитлеровской Германии, а его члены преследовали так же, как и евреев, коммунистов, социал-демократов, либералов и т. п. Многие сотни членов НТС погибли, как в советских, так и нацистских концлагерях.

По мнению идеологов НТС, Россия не должна слепо копировать путь западных демократий, а, используя только приложимое к нам, возрождать и собственные лучшие традиции, почти уничтоженные за семь десятилетий. Однако шовинизм, национальная исключительность несовместимы с солидаризмом.

Организации НТС имеются как за рубежом, так и в России — в Москве, Ленинграде, Нижнем Новгороде, Самаре и других крупных городах. Их деятельность постепенно легализуется. В Москве уже год работает филиал издательства НТС «Посев». Отсюда распространяются общественно-политический журнал «Посев», литературный ежеквартальник «Грани», вестник «Воля».

4 ИЮНЯ. День царя змей. По старинным преданиям, даже роженицы боялись родить 4-го. Счастья не будет, проклятый день...

Госкомиссия Совета Министров СССР по чрезвычайным ситуациям. Из материалов следствия: «В ночь с 3 на 4 июня 1989 года в 23 часа 14 минут по московскому времени на перегоне Улу-Теляк — Аша (Башкирия) произошел взрыв. Сгорели два поезда — Новосибирск — Адлер и Адлер — Новосибирск, находившиеся в зоне взрыва. Пожар возник в результате воспламенения ШФЛУ (широкой фракции легких углеводородов). Причиной скопления ШФЛУ в котловине послужил прорыв продуктопровода Западной Сибирь — Урал — Поволжье».

В ходе аварии получили телесные повреждения и погибли 1224 человека.

Анатолий Пономарев, научный сотрудник Института физики металлов УрО АН СССР: «Сына, Дмитрия, мы с женой увидели уже в больнице, в Аше. Раннее утро. Солнце, поют птицы — и... нестерпимый запах горелого мяса. Это страшно! Обгоревшие, вповалку на полу, дети, по несколько человек на кроватях, раскладушках... В ожоговом центре Челябинска в первые дни суматоха, почти паника, обожженных таскают с этажа на этаж... Сын не выжил...»

Свердловск. Школа № 13. Мемориальная доска. «Пономарев Дмитрий (1969—1989). Погиб, спасая детей...»

«Пострадало и погибло порядка 1,5 тысячи человек, из которых: — сгорело дотла — около 400 чел.

— найдены мертвыми на месте катастрофы — около 250 чел.

— умерли от полученных травм и ожогов — более 200 чел.

4 июня 1990 года. Тысячи родителей, родственников погибших, единицы уцелевших здесь, на склонах Змеиной горы. Траурный молебен возглавляет глава Уфимской церкви преподобный. Анатолий.

Молебен памяти всех: сгоревших дотла, изувеченных в безумстве той раскаленной ночи. Портреты и цветы, цветы и... Шелестит лаково-зеленая листва березовой поросли, текут расплавленным ме-

дороге Аша — Уфа в ночь с 3 на 4 июня 1989 года):

«...Также неоднократно ставился вопрос увековечения памяти погибших и сгоревших на месте катастрофы и вопрос о привлече-

БЫЛО! БУДЕТ?

таллом слова. Боль.

Отпевают неизвестного, чьи останки найдены в пятистах метрах от железнодорожного полотна, спустя год! 4 октября 1989 года, через четыре месяца после аварии был найден труп в вагоне, разрезанном на переплавку, в Аше. 4 июня 1990-го кости находили, когда вывозили обугленный лес, когда озеленяли пепелище, когда... Конечно, местность прочесывали, но в той неразберихе искали живых, а не мертвых... Мертвым все равно. И под «шумок» быстренько по костям отсыпали новую насыпь, положили рельсы, и пошли вновь поезда по перегону Аша — Улу-Теляк.

Пауза в движении пассажирских, товарных, литературных — 18—20 часов. И это после крупнейшей в мире железнодорожной катастрофы! МПС может гордиться. Тем, что матери слышат не перестук поездов, а хруст костей.

МОСКВА. Кремль. Президенту Союза СССР тов. Горбачеву М. С. Председателю Верховного Совета РСФСР тов. Ельцину Б. Н. (из обращения родителей и родственников пострадавших и погибших в результате катастрофы на железной

нии к ответственности бывшего председателя Государственной комиссии тов. Ведерникова Т. Г., который дал разрешение на укладку железнодорожного полотна по останкам наших детей и родственников».

В настоящий момент бывший первый секретарь Челябинского обкома КПСС тов. Ведерников Т. Г. — посол в одной из стран Европы...

Так кто же все-таки будет наказан и когда? Следствие должно было закончиться 15 июня 1990 года.

Виновные:

Челябинский трубопрокатный. Его труба разорвалась не по сварному шву, а по «живому» металлу...

Проектировщики — институты «ВНИИПИгаздобыча» и «Гипротрубопровод». «Экономика должна быть экономной». Отсюда и чрезмерная длина трубопровода, и диаметр, почти в два раза превышающий зарубежные, и при этом в два раза более тонкая (!) стенка трубы, изготовленная опять же из стали низкого качества.

Строители — Главвостоктрубопроводстрой. Даешь к XXVII съезду КПСС! И дали... В верноподданническом угаре Миннефтегазстрой

«гнал трубу». На участках, подменяя прорабов и бригадиров, шабашило высшее строительное начальство. Быстрее! Шансов уцелеть в объятиях бульдозеров, на лихих выражах плетевозов, в

Аше задержали литерный, дали «зеленый» пассажирскому...

Без сомнения, диверсия! Ответственность за теракт несет Система. Это она в тиши высоких кабинетов постановляет, спускает и планирует все, даже расход трудовых ресурсов, то есть нас с вами. Так, в октябре 1989 года Тюменская клиническая больница № 1 срочно освободила восемьсот койко-мест в ожидании... Согласно приказу отдела здравоохранения Тюменского горисполкома от 17 октября 1989 года «О медицинском обеспечении испытаний продуктопровода Зап. Сибирь — Урал — Поволжье».

Подобное не должно повториться! «Ни в коем случае», — соглашаются экспертная и межведомственная комиссии и подкрепляют свои слова двумя томами заключения, в котором со всей ответственностью: «...Учитывая народнохозяйственное значение ШФЛУ, временную эксплуатацию продуктопровода считать возможной... При эксплуатации не исключен производственный и экологический риск». О людях ни слова.

Авария 4 июня — исключение, подтверждающее неизбежную надежность советских трубопроводов? Если бы! Тело продуктопровода содрогается в конвульсиях со дня пуска. Более сорока аварий до:

Взрыв на участке газопровода Ямбург-Елец 1. Дело Генеральным прокурором страны Рекунковым закрыто.

Взрыв на месторождении Медвежем. Десятки жизней... Тогда об этом не писали.

После: август. Под Нефтеюганском. Без жертв. Сентябрь: под Тобольском. Вырванный с корнем лес на площади полтора километра на километр. Ноябрь: под Норильском...

296 километров продуктопровода в обнимку с железной дорогой. Это не повторится?

Евгений МОРОЗОВ.

ЛЮБОВЬ

ТЮРЬМА

Вы бывали утром в тюрьме? Когда первый луч восходящего солнца, ласково обняв кроваво-алыми пальцами сторожевые вышки серого екатеринбургского централа, лениво выглядывает из-под лохматых крон возле старой церкви. Как хорошо оттуда виден город. Залитый розовеющим светом, кажется, он тонет в бокале игристого «Аи», оставленного подгулявшими корнем у бисерной россыпи огненных танцовщиц на разлапистом бронзовом канделябре. А верхом проносятся витневатые хлопья облаков, задевая молочными краями острые крыши престарелого равелина.

Как прекрасен восход на рассвете
В тишине городской поутру
В красной дымке, как в свадебной ленте
Вырастают дома в высоту...

Чем выше к небесам, тем ближе к музам. Тюремные Эрато свили свои гнезда на сторожевых вышках. Стены их с давних пор расписаны стихами.

Всем, вышкарям хвала и честь,
И пусть пока нам негде есть,
Мы все же знаем жизни вкус,
И нет отбоя нам от муз.

Возьми же в руки гитару, друг. И снова пускай разнолестьем звуков полетит твоя песня. О чем она? О любви, о жизни, о самом себе... И конечно о ней, куда каждый день за высокие каменные стены ты приходишь служить нам всем.

Альбом старшего сержанта внутренней службы
ЮРИЯ ПОПОВА листал ОЛЕГ ПАВЛОВИЧ.

Сон

Среди пышных полей и высоких лесов
Я срублю себе дом и запрусь на засов.
Будет речка журчать, будет петь соловей.
Буду жить там на славу вдали от людей.
В суете городской жить уже нету сил,
Ты прости, город мой, а тебя я простил.
Между ночью и днем нет спокойных

минут.

Мы живем по часам, а часы наши лгут.
Вот такие дела, ты пойми, город мой,
Ухожу я к тебе, сердцу дес дорогой.
Ухожу, чтоб узнать, как живется в раю,
И, быть может, понять тайну жизни мою.
Оставляю тебе все, что нажил трудом,
Я возьму лишь топор, чтоб срубить

себе дом.

Пусть я в ваших глазах буду слыть
дикарем,
Только стану спокоен я ночью и днем.

Мои гитара и тоска

Когда мне становится грустно,
Когда не могу я уснуть,
Когда в доме станет вдруг пусто,
Душой отправляюсь я в путь.
Достану тетрадь,
Гитару возьму,
Ласкаю аккордами
Гриф, как жену.
И в городе песен,
Что сам написал,
Всю ночь отдыхаю —
— Я там!
И как хорошо, что на этой земле
Грусть, радость идут всегда вместе,
И как хорошо, что приходит ко мне
Грусть, радость, бессонница с песней.
Достану тетрадь,
Гитару возьму,
Ласкаю аккордами
Гриф, как жену,
И в городе песен,
Что сам написал,
Всю ночь отдыхаю,
Всю ночь отдыхаю —
— Я там.

Первый снег

Первый снег, осенний ветер,
Поглощенный тишиной
Ты мое сознание лечишь
Наступающей зимой.
Все, что было в этой жизни:
Горе, ссоры и беда.
Белый чистый снег залечит
Наши раны навсегда.
Первый снег кружится плавно,
Серебрится на свету.
Милый снег мой, долгожданный,
Как я ждал эту зиму!

Воспоминание о матери

Молодой листвою покрылся лес Урала,
Словно бархатная стала вся земля,
Вроде все в порядке, но не доставало
Твоей ласки, дорогая мать моя.
Вспоминаю, как ты письма мне писала,
В каждой строчке ощущал твою я грусть,
Ну, а я, как неродимый, слышишь, мама.
Все писал тебе: «Ты жди, а я вернусь!»
Проклинаю я себя теперь за это,
Ты прости, родная мать, за подлость всю,
А теперь твоя душа летает где-то,
Пробивая на моих глазах слезу.
Я приехал, но меня ты не застала,
Лишь с портрета на меня смотрела ты,
На твоей могилке птица щebetала,
Когда я принес тебе свои цветы.
Я сидел на лавке, слезы утирая,
И смотрел на фотографию твою,
А вокруг весна, в права свои вступая,
Упрекала душу черствую мою.

Наказ сыну

Коль гнездится злоба в сердце,
Мести сын в душе приволен,
Не пройдет беда бесследно,
Если цел бедовый корень.
Коли руки греет жадность,
В глаза зависть запустил —
Не исчезнет едкий дым,
Раз угли не загасил.
Коль в тебе таится подлость —
Речью, словно жалом, жалишь,
Не спасут тебя молитвы,
Коль прослать ты злым желаешь.
Если ненависти полон
К тем, кто рядом жизнь прожил,
Не найдешь себе ты друга,
Если сам, как леший, был.
Помни, сын мой, строки эти,
Вникни заповеди в суть,
И любим из этих качеств
В жизни недругом ты будь.
Так живи, чтоб тем, кто рядом
Ладно было жить с тобой,
А когда тебя не станет,
Вспомнят люди с добротой.

Сколько можно

Ты стояла рядом, как всегда,
Что-то говорила невпопад,
Но опять не слушал я тебя,
Хотя голос твой я слышать рад.
Сколько можно тянуть,
Уходить от ответа.
Никогда не вернуть
Нам прошедшего лета.
Ты пойми, что тебе
Двадцать три уже скоро,
Пора думать о будущем,
Милая Лора.
Но меня не хочешь слушать ты,
В голове твоей одни мечты.
Твои взгляды в розовом цвету,
Лора, я тебя люблю одну!

Настроение

Месяц июнь,
А погода, как осенью.
Мокрый асфальт
И дома словно с проседью.
Ветви берез,
Словно руки пушистые
Ловят с небес
Дождя капли душистые.
Там, за окном,
Вижу кошку промокшую,
Смотрит с тоскою
На птицу продрогшую.
Дама с зонтом
И походка усталая
Видно с работы идет,
Запоздалая.
Ветер шалит:
Клонит тополи тонкие
И не слышны
Голоса детей звонкие.
Словно во сне
Все вокруг
летаргическом,
Только душа
В настроении лирическом.

Снег

Пушинки холодного снега
Вальсируют с зимнего неба.
Ложатся и сразу же тают,
А я все тебя вспоминаю.
Вот так же и ты появилась, как снег,
И жизнь протекала с тобой, как во сне,
Я верил, что будем мы вместе вовек,
И все же ошибся в тебе.
Снежинки кружатся, летают,
Ошибку мою исправляют.
Растаяв, бывшее смывают,
Тебя забывать заставляют.

Русь

Отстояла Русь
Натиск врагов,
Отстояла Русь
Стены белые.
Русь, тебе клянусь,
Что твоих богов
Отстоит всегда
Войско верное.
Князь, веди вперед коня белого,
За тобой пойдет русский твой народ.
За любимый край, хлеба каравай,
За державу-мать мы поднимем рать.
Колосится рожь
Золотой волной.
В серебристый дождь
Едем мы домой.
Дом ждет земля,
Руки добрые,
Пусть всегда шумят
Ветры вольные!
Ну, а если что, веди, Князь, вперед.
За тобой пойдет русский твой народ.
За любимый край, хлеба каравай,
За державу-мать мы поднимем рать!

БЫСТРО сбегая за ЗАПНСИ (заместителем дежурного помощника начальника следственного изолятора) по низким ступеням. В них вьелась сырость и жир от расписываемой баланды. Перепрыгивая черную лужу, выплывшую накануне разбушевавшейся старушкой-канализацией. Спуск в преисподнюю, в тюремное чрево — на работу.

Пятый корпус Свердловского следственного изолятора — место, специфичное даже для этого заведения. Здесь нет подследственных, только осужденные. Камеры заполнены теми, чья долгая тюремная эпопея не заканчивается местными исправительными учреждениями.

Сержант крутит в скважине длинным крючком-ключом (а на ночь к здешним запорам-засовам присовокупляют еще и огромный амбарный замок), распахивает сначала железную дверь, потом решетку:

— В коридор, на проверку!
Первым из камеры выплывает спертый воздух: букет из перегара жженой бумаги вперемешку с запахом пота и зловонием парашки. В крохотное, задернутое стальными жалюзи окошко под потолком утыкается чуть заметная струйка дыма.

— Опять цифирь варили? — растакивает потные тела «зк» контролер Ахмед. — Живее поднимайтесь, все на коридор!

Из-под ноги контролера выскочил пушистый черный комок и, истошно мяукая, скоком пошел через лежащих под дальнюю шконку — так ээки называют нары.

— Начальник, в натуре, дай поспать... — и залп матерщины. Голова «зк» скрылась под одеялом, заключенный резко перекинулся лицом к стене.

— Вставай, кому говорят!!
— Что ты кричишь? Пусть спит, если хочет. После проверки напишешь рапорт, возьмешь объяснительную и в карцер, — «зэдэпэнэси» капитан М. Маленький вышел на середину камеры и оглядел разбросанные по нарам вещи:

— Как фамилия?
— Эх, гражданин капитан... — тяжело вздохнул зэк и зашаркал к двери, — когда ходил в старлеях, не таким был. Звезды выслуживаешь?

Сокамерникам монолог принес мимолетное, но острое удовольствие. Видно было по лицам, хоть ухмылки никто себе не позволял: нарвешься еще за усмешечку-то.

— Кто дежурный? Почему бачок не вынесен? Почему тарелки в углу?

От толпы отделился нескладный дедок со встрепанной рыжей бородкой и резво засеменил обратно в камеру. Через секунду он вновь возник в дверном проеме с вонючей посудиною, доверху набитой мусором.

— Ты дежурный? — спросил капитан. Мужичонка молча опустил свою ношу и зашел в строй.

Такие мужичонки есть в каждой камере. Спят возле талкана (унитаза), представляют собой предпоследнюю ступень тюремной иерархии, ниже — только обиженные. А эти, готовые за пачку курева служить любому, выполняющая за него самую грязную работу, не опускаются ниже лишь потому, что никто на них не поленится — грязных, нескладных бомжей. Вечно голодные, одетые в лохмотья, они порой устанавливают что-то вроде очереди: кому первому идти в услужение богатому сокамернику. Бывает, в кровь бьют друг друга, решая, кому мыть грязный камерный пол за ополовиненную пачку «Астры».

— Так кто дежурный? — допытывается ЗАПНСИ. — Старший по корпусу!

Ахмед заглянул в список и выкрикнул: — Переверзев!

— ...Иван Андреевич, тыща девятьсот шестьдесят первого года рождения, сто семнадцатая статья, восемь лет, — распахав соседей, вышел вперед двухметровый, весь в наколках детина. Сидит за изнасилование.

— Почему не выносите бачок?
Детина устался в пол:

— Так не положено, гражданин капитан, — глазами ёлозя по бетонному полу, — чистый я.

Стоящий рядом с нами лейтенант из оперчасти что-то быстро записал на клочке бумаги:

— Отсадить его отсюда надо, всю «хату» портит.

— Терпеть не могу 117-ю, да и в камерах ее до последнего времени не уважали, а теперь такие вот в героях ходят, — комментирует контролер Андрей. Ему явно надоело стоять без дела, но задача группы усиления, куда мы с ним попали после развода, как раз в том и состоит, чтоб в случае чего внушить беспокойным обитателям СИЗО, что изолятор — не место для беспредела.

Каждая тюремная или изоляторская камера — это воровской мир в миниатюре. Только миниатюра эта выполнена в духе бесовских фантазмагорий.

Камерная иерархия образуется по семейному или земляческому принципам. Попадают в одну «хату», скажем, два человека: глупый, но сильный, и умный, но слабый. Если умный слабак с кем-либо поссорится, сильный всегда займет его сторону — «даст поддержку». Позже в «хату» въезжает еще кто-то, кого они принимают в свою ком-

панию, и уже эта тройка держит в камере власть.

Такая иерархия характерна для первоходок — людей, впервые попавших в тюрьму. Прибавляется воровской опыт, растет количество отсиженных сроков — эти люди на верхушке воровской пирамиды власти. А кто ж у ее подножия?

— Товарищ капитан, «обиженку» будем выводить или так посчитаем? — сержант щелкнул ключом, и отворилась дверь в мир отверженных, «чужих среди своих». Их пересчитали. Цепочка потных людей снова потянулась в «хату». Кроме двоих.

— Вы что? — Ахмед смотрит на фигуры с узелками в руках.

— Идите сюда, никто вам ничего не сделает! — насмешливый голос из камеры за-

гивенник в школе, культ грубой силы в ПТУ, неустановленные взаимоотношения в армейской среде... А камера лишь синтезирует криминальный опыт.

Есть, правда, в хатах-обиженках след созидательной, целенаправленной деятельности администрации: сюда обычно прячут тех, кого по оперативным данным в обычных камерах ждет беспредел. Сюда же попадают и выломившиеся. Они и не обиженные, и не припаханные, просто, по мнению авторитетов, представляют собой в камере явно лишний рот: сами передач не получают, а делиться с ними надо. Решив однажды, что кормить такого нет смысла, соседи предлагают ему поискать иное место проживания. Такая, знаете, селекция по имущественному признаку...

значит подрывать собственное уважение в камере. Опушенный удавится — никто не пожалеет.

Казалось бы, что делить униженным? Но и между собой изгой тюремного общества мирно не живут. Они не ищут себе «вассалов» — тюремные законы, жестко регламентирующие место каждого, строго-настрого запрещают подобное. Но жестокая борьба за право быть предпоследним из последних не прекращается ни на минуту.

Камеры-обиженки были, наверное, всегда. Но годы застоя, избытовавшие причудливыми деформациями, в этом смысле отмечены резким количественным ростом: если в 70-х годах, вспоминают работники СИЗО, в каждом корпусе была лишь одна камера для морально опущенных, то сейчас добрая половина каждого корпуса — обиженки.

На тумбочке в двухлитровой банке пучит воду кипятильник. Небольшая комнатка старшей по женскому корпусу полна народа: сюда «на огонек» заходят свободные контролеры обоих постов. Пить чай в СИЗО не просто профессиональная традиция. Это испытанный годами и единственный способ отогнать липкий предутренний сон. И еще — повод собраться, поговорить, поспорить. Спор-клуб тюремщиков? А что, как говорится, «всюду жизнь».

Андрей отхлебнул из алюминиевой кружки:

— Тогда эта профессия авторитетом пользовалась. В Бутырке до сих пор тюремный музей есть. Чтоб получить место, нужно было конкурсы пройти. Возле каждой двери по два тюремщика с обеих сторон можно было ставить. А сейчас вот объявления на заборах вешай...

От себя добавлю, что и требования были высоки. «Тюрьма есть ремесло окающее», — говаривал Петр I, — а для скорбного дела потребны люди твердые, добрые и веселые». Царь-реформатор знал, что говорил: нем по по его указам острогов понастроили.

Капитан Маленький оторвал взгляд от листа бумаги и поднял глаза на Андрея:

— А ты посмотри, кто к нам приходит: одному нужен стаж в вуз МВД, второму — офицерское звание выслужить, третий из милиции перешел... Сам-то ты как сюда попал?

— С завода. Погулял на гражданке и понял: без дисциплины жизнь становится какая-то... безответственная.

— Много ты будешь иметь со своей дисциплины, — улыбулась младший сержант Татьяна. — У каждого семья, и она каждый день кушать просит. А из нашей столовой даже булку за территорию запрещено вынести.

Слава богу, мы перестаем смотреть на материальный стимул как на синоним мещанского стяжательства. Нет ничего зазорного, если сотрудник следственного изолятора стремится к тем же благам, что и рабочий гражданского предприятия. И возможность подработать в СИЗО имеется: выходи после положенной по графику смены в группу усиления — и в течение месяца зарабатывай ровно половину оклада. Кстати, сами оклады летом прошлого года повышены офицерам СИЗО, в январе — рядовому составу. Вообще, 1989-й останется в памяти здешних сотрудников надолго: впервые за много-много лет работникам учреждения выделено десять квартир. Переоборудован под семейное общежитие двухэтажный дом... А то ведь многие жили на казарменном положении — в двух общежитиях, расположенных прямо на территории СИЗО.

Если уж зашла речь о жилых помещениях и старых временах, то нелишне вспомнить: до революции старая, екатерининских времен постройка, тюрьма полностью справлялась с потоком преступников, а изолятор, в который она превращена сегодня, пришлось достраивать и переоборудовать с приходом к власти «подлинных хозяев страны». И толстые стены тюремной церквушки вместо хора певчих слышат лишь грохот камерных запоров.

Изолятор вынужден принимать и содержать вдвое больше заключенных.

Поэтому понятие «критическая масса» относится, увы, не только к физике.

— Гражданин старшина, — подмигивает физиономия в окошке последней камеры. — Что-то не видел я тебя здесь раньше. Первый раз на этом посту?

— По сути! — требую.

— Ну, зачем сразу злишься? С нами разговаривать, сам знаешь, не так просто, мы и мотом можем...

И что вот такой получит в ответ? Нескольких суток карцера. Но и до этого мрачного места уже добралась перестройка.

— В соответствии с международными «Минимальными стандартными правилами содержания заключенных», — размышляет начальник СИЗО В. Поляков — в карцере заключенным каждый день положена горячая пища. Узнав про то, мы тоже стали придерживаться, а на пользу ли это, когда жулики стремятся туда попасть, чтоб... отдохнуть. О каком тут наказании может идти речь?

Продолжение следует.

ставил вздрогнуть двоих в коридоре.

Стриженный наголо невысокий паренек, явно новичок в тюремной жизни, прижал к себе, как щит, пару кирзовых сапог, перевязанных куском разорванной простыни.

— Ведите в другую «хату», гражданин капитан! В этой — вскрыемся, сидеть не будем! — угрожает он самоубийством.

— Ведите в камеру старшего по корпусу, старшина!

Старшина — это я, топаю в хвосте «выломившихся» в другой конец коридора.

В камерах-обиженках собраны те, кто не смог в уголовной среде утвердить свое «я» и лишился уважения блатного мира. За что? Да за любую мелочь. А то и вовсе без причины. Просто не смог дать отпор зарвавшемуся нахалу, за спиной которого — одиозные фигуры воровских лидеров. Никто не гарантирован от подобной «милости» камерного «авторитета».

Одну из категорий тюремных изгоев именуют припаханными. Рыжий дедок, с которым вы уже знакомы, суетился «по хозяйству» на добровольных началах, его вполне устраивала роль ассенизатора и водовоза. Припаханных же низводят в эту категорию насильно, постоянным и лютым битьем. В конце концов, доведенный до животного состояния человек готов исполнить любой приказ угнетателя, лишь бы вымолить час-другой относительно спокойного существования.

Они всегда на полу. Их стихия — обшарпанный тазик грязной воды, половая тряпка и мусорный бачок. Они не имеют права голоса в камерных спорах. Им не светит даже гостинiec за воли, ибо их передачу, посылку поделают другие, а они разве что бумажки и кучу разноцветных фантиков вынесут-выгребут при очередной внеочередной уборке.

Еще один обитатель дна тюремного мира — непонятливый. Это то же, что деревенский дурачок, вот только хата у него — тюремная. Шуты скрашивают серые будни. За это их почти не бьют и не угнетают: что с полудурка возьмешь?..

Начальник СИЗО-1 подполковник В. Поляков как-то заметил, что тюрьма — всего лишь зеркальное отражение процессов, происходящих на свободе. Уличный беспредел дворовой компании, отобранный у малыша

Михаил Степанович Маленький впустил в комнату тех двоих, что просились в другую камеру, и плотно прикрыл дверь. Сел, окинул спокойным взглядом длинную галерею ячеек для камерных карточек заключенных. В углу оседлал железный ящик оперативник:

— Рассказывайте.

— А что рассказывать? Не будем больше там сидеть, и все дела. Сажайте в другую хату!

— Откуда приехал? — капитан растасовал в руках камерные карточки.

— Из Москвы, из Бутырки, — ответил один.

— Столичный, значит. А ты?

— Местный, из Ирбита.

— Первая ходка?

Москвич кивнул. «И я тоже», — добавил второй.

Оперативник встал с сейфа:

— Кто в хате беспредел творит?

Парни стояли молча.

— Значит, все нормально? Тогда сейчас обратно пойдете, — подытожил «кум», как заключенные называют сотрудника оперчасти.

— Не вернусь я туда. Я и так обиженный, а они смеются, снова хотят меня вместо женщины... — в глазах ирбитчанина блеснули слезы.

— Где тебя проткнули?

— Здесь, на втором корпусе.

— Понятно. Ахмед, посмотри за ними в коридоре.

Что такого сделал «голубой» ирбитчанин-первоходка? Может, и есть за ним поступок, который, по мнению камерных авторитетов, бросает тень на «честное имя» жулика: заложил товарища, был «красным» — сотрудничал с администрацией или стукачом (что по блатным канонам мало отличается одно от другого). Или не проявил должной сообразительности при обряде камерного посвящения. А то и просто не понравился авторитету. Таких используют не для собственного удовольствия, Их протыкают силой — наказывают. С этой минуты жизнь обиженного становится мукой, спасение от которой иные ищут у тряпичного жгута, перекинутого через спинку кровати, или полосуток кадык мойкой-бритвой. Им, как правило, не мешают: разговаривать с такими,

СПРАВКА. Нефагин Петр Яковлевич. Родился в 1916 году в деревне Усть-Ламенка Голышманского района. С сентября 1941 года по ноябрь 1942 года — резидент, старший группы разведчиков в Запорожье. С 1943 года по 1945 год — узник концлагеря Бухенвальд. С 1950 по 1955 год — заключенный ГУЛАГа. В настоящее время — пенсионер.

Дом его мне показали сосед. Открываю ворота. Хозяин стоит посреди огорода в красных трусах, в руках — тупка. Через очки с толстыми стеклами смотрит сурово. Я бормочу что-то о цели своего визита, вроде: «Петр Яковлевич, у вас такая интересная жизнь...». Он решительно меня прерывает: «Ничего интересного в моей жизни не было. Сплошной кошмар».

Проходим в дом. Нефагин живет один, но у него трое детей и восемь внуков. Есть и правнуки.

Что ему мне рассказать? В 37-м его призвали в армию. До армии он окончил Ялutorовский техникум молочной промышленности и после демобилизации списался с Одесским трестом маслопрома, поехал работать туда. Когда началась война — ушел добровольцем, хотя это было трудно, так как на него была броня. Вскоре явились вербовщики из разведывательной части. Вызывали многих, а взяли мало. Его-то взяли. «Вот вы молодая, и мой вам совет: не лезьте в узкие щели, застрянете! Я вот полез, хотел Родине принести пользу, что из этого получилось!».

А что из этого получилось?

Попал Петр Нефагин в школу радистов. Чему там учили? Обращаться с немецким оружием, да два раза прыгнул с парашютом. Выполнял различные задания в тылу врага. Затем с радисткой Надей Полозовой отправили в Запорожье на подкрепление группе радистов — узнать, почему замолчали, помочь им наладить работу. В Запорожье устроился на маслозавод, по специальности.

«Какая же это была, говорит Нефагин, авантюра! Не обученные толком, не знакомые с приемами шпионажа, не знающие языка... Радиостанция «Север», которая была, больше 600 километров не «брала», а наших тем временем аж к Сталинграду отбросили. Так что группа только один раз на связь успела выйти. И все. Хотели бы помочь своим, на любой подвиг готовы были, да не судьба...»

А тем временем Надя Полозова, радистка, квартировала в доме, где жил немецкий офицер. В ноябрьские праздники захотелось Наде послушать Москву, родной голос Левитана. Послушала. Радио потом спрятали, а гранату забыла на кровати немца.

(Было, значит, такое правило — когда радист выхо-

дит на связь, должен держать наготове либо гранату, чтоб подорвать себя вместе с рацией, либо пистолет, чтоб застрелить того, кто обнаружит...).

И, конечно, гранату нашли. И Надю взяли. Привели в комендатуру, допросили — и отпустили. А она, желая предупредить товарищей, бежала все явки и невольно всех выдавала...

с Николаем Ивановичем вышли посмотреть — что же будет? Прибежали охранники, интересуются. А подпольщики отвечают немцам — мол, хлеб крадут. А немцы всегда насчет этого честны были, порядочны. Правильно, говорят, бейте.

Освобождали их американцы. Потом пришли наши. И попал Нефагин в традиционный лагерь. До осени там был, работал в пекарне. «Я все честно рассказал, но мне, видно, не поверили. Решили, наверное, что я продал свою группу — это во-первых, а во-вторых, поскольку меня освободили американцы, может, я — аме-

Ну и дали мне Особым Совещанием десять лет. Вспомнили и провал моей группы, и все остальное... Месяцев восемь просидел в Сыктывкаре, в следственной камере, а потом снова привезли в Инту, в лагерь. Работал там, строил дорогу, а позже я опять стал работать в пекарне. Старался товарищам помогать, хлебом их подкармливал... Бежать? А куда оттуда бежать? Даже и не пытался. Через пять лет, в 55-ом, амнистировали. Приехал в Ишим, работал сначала в пекарне, так как уже специалистом стал. Потом испугался: вдруг попадет что-нибудь в тесто. мне отве-

положение... Выслал.

Петр Яковлевич замолкает и вдруг, подняв голову, запевает высоко:

«... Приморили, гады, приморили...»

Отوبرали волюшку мою...» «На комбинате как праздник, так пьянка какая-нибудь. Соберемся, посидим. И на День Победы тоже. Сядем за стол, молчим. Потом выпьем по первой — заговорим. По второй — «Нефагин, начинай!». И — «Приморили, гады, приморили. Отوبرали молодость мою». А за что? За любовь к Родине...

Кто виноват в том, что со мной произошло? Сталин и

И воды боюсь. Глубины. Помню, надо речку было переплыть, с задания мы возвращались. А ни лодки какой-нибудь. Корыто только. Вот в этом корыте и переплывали. Мне говорят — прав. А я: нет, товарищи, лучше грести буду, глаза закрыть... Что еще? Немецкой речи боюсь, КГБ боюсь. Как увижу их форму — нехорошо становится. Лучше б и не видел».

Петр Яковлевич вдруг насторожился и спрашивает в который раз: «А как вы меня нашли? Откуда вы про меня узнали? Из КГБ? А может, они специально заслали корреспондента, чтоб выяснить, что я делаю, как я думаю. Может, снова хотят... Да, впрочем, я им больше не гоюсь. Пусть забирают. Я ведь работать на них больше не буду, да и не смогу. Просто с голоду помру».

Я вот Хрущеву благодарен был сначала — за то, что Сталина разоблачил. А потом посмотрел на него, да на Брежнева... Нет, Сталин лучше их всех был. По крайней мере, он народное добро не крал. Ходил все в своей шинельке да в сапогах, только к старости его в ботиночки приделали... Ни копеечки народной не украд, страну из разлуки поднимал, мы и в космос только благодаря ему полетели...»

Петр Яковлевич читает «Тюменские ведомости», принесенные мной. Там — «Человек из ГУЛАГа». Прочитывает первый абзац, повторяет: «Давно уж освободился из сталинских концлагерей, но до сих пор я просыпаюсь в холодном поту». Откладывает газету.

— Потом дочитаю. А мне всю жизнь сны кошмарные снятся. Всю жизнь. То погони — за мной гонят, то еще... Ничего хорошего не снится. А у меня в жизни не было ничего хорошего. Нечему снится.

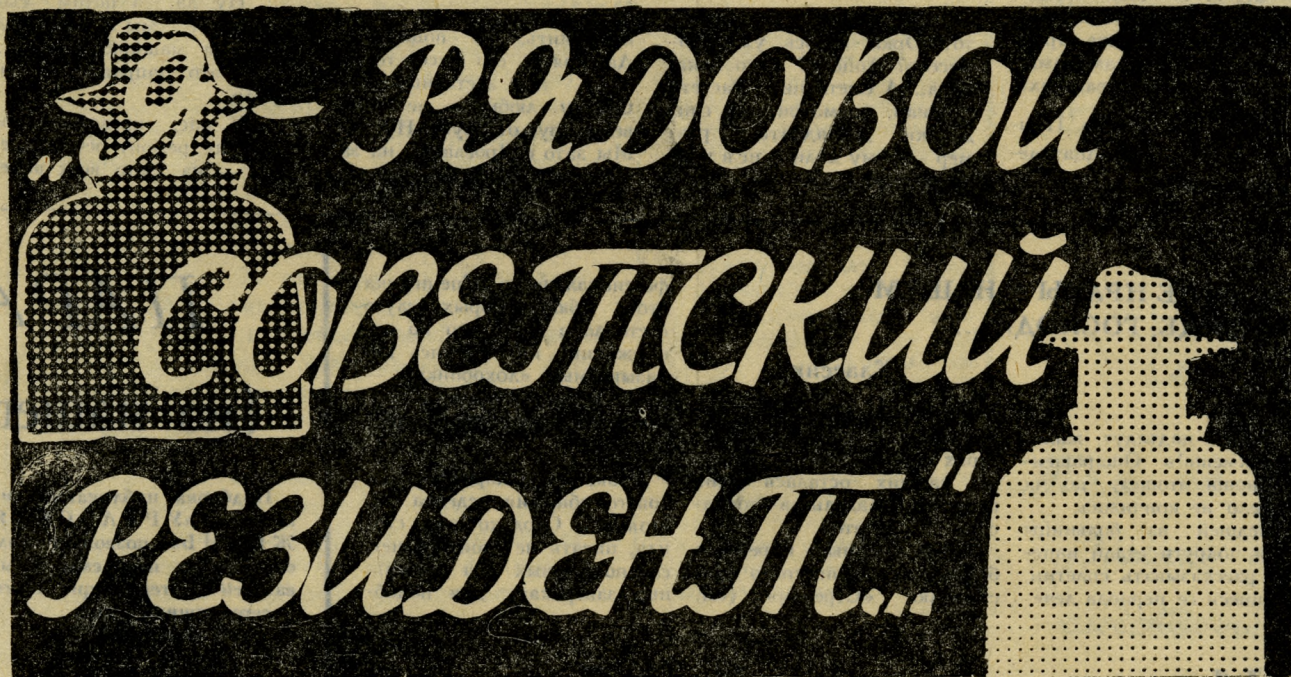
Мы пьем чай, беседуем о том, о сем. О любимой внучке Машеньке. О пайке, который Нефагин получает в магазине для ветеранов. «По моей хлебной карточке раз в месяц получаю сгущенку, два килограмма мяса да один колбасы — Горбачев мне каждый месяц килограмм колбасы отрезает. А ко мне дети да внуки в гости приходят и нет еи».

Разговор наш перескакивает с одного на другое, и Петр Яковлевич делится со мной планами в личной жизни, жениться хочет. Три жены у него было. Первую свою, любимую, что ждала его все годы — схоронил, а другие...

Мы прощаемся с Петром Яковлевичем. Он провожает меня до дороги, до угла.

Евгения ГОЛЬДБЕРГ.

Петр НЕФАГИН:

Арестовали и Рыбина, и Нефагина. Часть разведчиков расстреляли, а их почему-то нет. Возможно, расстрелял Петр Яковлевич, немцы посчитали так: поскольку военный человек подневолен, подчиняется приказу, следовательно, и здесь он не по идее, не по желанию, а по приказу, может быть, рассчитывали перевербовать. Погрузили с другими арестованными в эшелон и повезли в Германию. Дважды в пути пытались бежать, и оба раза неудачно.

Привезли в Бухенвальд. В первую же ночь пришли «вербовщики». Сказали: кто хочет искупить свою вину перед немецким командованием и работать на него, запиши свою фамилию, будем вызывать по одному... Человек десять со всего барака набралось. Вербовщики эти были члены подпольной организации. И «потенциальных предателей» начали выводить и избивать до смерти в туалете. Нефагин: Мы

риканский шпион! Но обвинения мне никакого не представили, просто отправили в Союз — сказали, что по домам. А как въехали на нашу территорию, вагоны заперли и начали охранять. Как преступников везли... Привезли в Инту. Там я работал. Срока мне никакого не определяли. А потом на Западе стали прорываться возмущения — как это у Сталина военнопленные в лагерях сидят и в ссылках... Привезли нас тогда в Печору, выпустили из вагонов. На поселение вроде. Разрешили семью вызвать, чтоб, значит, осели мы здесь, прижились. До 1949 года работал в Кожвинском леспрохозе. Лес валили. Я тогда уже стреляный воробей был, начальству спуска не давал. Бывало, бивали мы и начальство — если уж слишком издевалось над нами... А потом я отказался подписываться на государственный заем. Жена как меня уговаривала, старики мои — отказался и все. Упрямый был.

чать, а отвечать мне больше не хотелось... Ушел я с пекарни на масломыкомбинат, технологом — так, чтобы я в процессе производства прямо не участвовал...

В 1970 году меня реабилитировали. Вызвали в кабинет, а там в углу стоит стул железный для заключенного, к полу привинченный. Так я как зашел, прямиком к этому стулу и сел. А мне этот офицер показывает на кресло и говорит:

— Садись сюда, товарищ! Я так и взорвался: «Гусь — свинье не товарищ!» Грубый был, невоспитанный, конечно. А потом дают мне документ о реабилитации, а я читать не могу — плачу... Прочитали мне его они!»

А затем выдали Петру Яковлевичу и партизанский билет. Подруга у него в Запорожье, из разведчиков тоже, Матрена Радионова, нашла, написала, чтоб выслали документы для оформления. Он отказался. Она ему снова пишет — мол, Петр, ставишь меня в неловкое

Берия, конечно... Ну, еще то, что нас забрасывали в тыл врага необученными, с одной лишь жаждой подвига. Еще — сами казёбшники, что вели дела, были плохо подготовлены. Вот был такой случай. Спрашивают на допросе арестованного: «Ты почему в плен сдался?» — «Так ведь танки шли...» — «Ну и что, что танки? Так в танках щели есть. Ты бы штыком-то и в эти щели...». Как же так можно? Ну сыграла роль в моем деле и моя грубость. Я же ни за что не сдержусь, все скажу, а это мало кому понравится».

Спрашиваю Петра Яковлевича, боялся ли он тогда — в Запорожье? И вообще — чего он боится?

«Чего боюсь? — переспрашивает Нефагин. — Высоги боюсь. С парашютом прыгать всегда боялся. Ни за что бы не прыгнул, да посмотрю — девчонка молоденькая прыгнула, а я боюсь, не прыгну? Прыгал...

На учредительной конференции Волгоградской областной ассоциации жертв сталинских репрессий заместителем председателя избран Авангард Вольдемарович Абель. Я подумал: не родственник ли он знаменитому разведчику Рудольфу Абелью?

— Рудольф Иванович — мой родной дядя, — объяснил А. В. Абель. — Но это не тот человек, которого обменяли на летчика Пауэрса... Имя и фамилию моего дяди, а также «легенду» взял его друг Вильям Генрихович Фишер, которого я, хорошо знал и называл просто дядей Вилли.

Дядя Вилли до кончины (в 1974 году) так и не раскрыл свою настоящую фамилию: Фишер. Когда стало известно о подвиге Рудольфа Абеля, я посчитал, что герой — мой дядя, ведь он тоже был разведчиком. Но все выяснилось для меня с выходом на экраны фильма «Мертвый сезон», в начале которого Рудольф Абель обращается к зрителям с экрана. Я узнал в нем дядю Вилли! В те же годы вышел в свет сборник «Чекисты» с воспоминаниями Вильяма Генриховича и его фото.

Настоящая фамилия разведчика впервые обозначена в 48-м номере «Неделя» за 1989 год в статье «Неизвестные страницы

РУДОЛЬФ АБЕЛЬ — псевдоним знаменитого разведчика

истории советской разведки: «Рудольф Абель (Фишер), которого американцы признают как одного из выдающихся разведчиков современности...»

Я стал по крохам собирать сведения о дяде Вилли и вот что выяснил. Родился он в Петербурге в семье профессионального революционера, члена «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С юных лет помогал отцу распространять большевистскую литературу. Сойдясь с политэмигрантами, Вильям Фишер выучил шесть иностранных языков. Окончил радиотехнический институт. Стал работать в иностранном отделе ОГПУ. В конце 20-х годов Фишер действовал как радист-шифровальщик в Китае. Там встретился и подружился с моим дядей Рудольфом Абельем, тоже шифровальщиком. Под его фамилией дядя Вилли в годы войны работал в военной разведке.

...22 июня 1957 года его «взяли» агенты ФБР в одной нью-йоркской гостинице. В 1961-м — дядю Вилли (Рудольфа Абеля) обменяли на американского летчика — шпиона Пауэрса и коммерсанта Виннера, замешанного в деле Пенковского.

— Какова же судьба настоящего Рудольфа Абеля? — спросил я.

— В 1920–21 годах он служил кочегаром на эсминце Волжской военной флотилии, оборонявшей и освобождавшей Царицын, — ответил А. В. Абель. — После, когда мой отец, Вольдемар Иванович Абель, получил назначение начальником службы связи морских сил Дальневосточной республики, дядя Рудольф поехал радистом на Командорские острова. Затем был послан в Китай. После войны до своей кончины в 1955 году служил в КГБ, последнее его звание — подполковник.

А отец мой был латышским стрелком, одним из тех, кто осенью 1917 года нес охрану Смольного дворца. В 1918 году его, матроса с линкора «Гангут» и депутата Кронштадтского Совета избрали председателем Кронштадтской ЧК. Последняя его должность — начальник политотдела Балтийского морского пароходства. Был репрессирован, расстрелян 11 января 1938 года. Тело сбросили в котлован на Левашском кладбище в Ленинграде.

— Как вы жили все эти годы?

— В феврале 1938 года нас с мамой выслали как ЧСИР (членов семей изменников Родины) в Туркменистан. Оттуда в 1941-м меня вызволил дядя Рудольф. Спустя два года призвали в армию. Служил в Латышской стрелковой дивизии. После учебы в Подольском пехотном национальном училище был назначен помощником коменданта освобожденной от гитлеровцев Риги. С 1956-го года живу в Волгограде, тружусь в «Волгоградоблфото». Сейчас все силы отдаю работе в Ассоциации жертв незаконных репрессий. В этом вижу смысл жизни. К этому зовет и память об отце.

Иван БАРИКИН,

«Неделя».

А ЛЛО, Майка, привет. Я — Оксана. Вот муж ушел экзамен сдавать, у меня часок свободный выдался, звоню всем старым друзьям. Сейчас Иринке звонила, она просила водочные талоны на июль, чего-то там отмечает.

... Дети? Майка, дети же не у меня — у Танюшки. У меня — сын, Ярослав, богатырь — уже полтора года. В ясли отдали, на следующий день чуть оттуда не выгнали. Представляешь, сбросил со второго этажа машинку деревянную, а внизу нянечка детям завтрак неслала... Нет, не ругала — он же не со зла. Он вообще приключный. Скоро, говорит, я буду «папом», потом «шаулинем», потом — солдатом. Такая вот последовательность.

... Живем? Да все там же, в семейной общаге на Чапаева. Вчера свекровь приезжала. Привезла соевых огурцов и кучу упреков: вы,

мол, три года живете, а холодильник купить не можете, ребенок без молока мучается. Я ей говорю, что холодильник у нас в стране продают только ветеранам войны, чтоб их дети без молока не мучились. Она мне — лекцию про хамовитое молодое поколение. В общем, уехала сегодня злая...

Что? Вечер юмора? Нет, юмора у нас своего хватает. Вчера к Женке на свадьбу ходили. За кого? Ну, помнишь, Олег, невысокий такой? Не знаешь? Ничего так мужик, самостоятельный. Ну, мы с Женкой вспомнили свою буйную молодость, нашу пятиместку, номер 231, решили оторваться. Прикольная свадьба — жених с моим мужем танцует, я с невестой. Свидетели? Так у нас же Иринка — вечный и незаменимый свидетель на всех свадьбах.

... Да, в «Малахите». Помнишь, там твои двадцатилетие отмечали?

... А Витьку Шмайлова помнишь? Его еще в зимнюю сессию исключили? Так вот, он в Канаду уехал на заработки, женился там на негритянке, фотографию прислал — умрешь!

Тут меня твои бывшие поклонники замучили — адрес просят. Ну, будто бы не помнишь, кто. Не давать? Как скажешь, ладно.

... Ну, как, как — сама принимаешь, — сын, общага,

МОНОЛОГ МОЛОДОЙ ЖЕНЬ

... Ну, а как там столица? Юрка, небось, уже профессор? Доцент? Это пока. А Светланка? Растет? Слушай, посмотри там сандалики двенадцатый размер — моему ходить не в чем, все изодрал!

сессия, еще муж требует то накормить, то поцеловать. Да, прямо, его мусор-то вынести не заставишь. Но Славку любит — не оторвешь друг от друга. Ну да... Мы зато с Ярославом на зачеты вместе ходим — он па-

рень обаятельный, ни один препод перед ним не устоит. Как посмотрит своими глазками — так можно «зачетку» готовить... За него и стипендию платят.

... Деньги? Ну, родители, муж иногда подрабатывает, фарцовка выручает. Нет, крупному не работаем, так, мелочи... Может, у тебя «товар» есть? Хочешь — давай провернем дело, как в старые добрые времена, зарплата пополам? Ну, мне-то лишний рубль не помешает.

... Рудик? Не знаю, говорят, учится. Что ты, какие там рога, муж сторожит. Да из дома выйти некогда — только если в магазин.

... Ну да, а потом сын расскажет — мы с дядей Рудиком в машинки играли. Нет, это направление закрыто.

... У нас, представляешь, в общаге ремонт решили делать — на лето всех высе-

ляют. Не знаю пока, куда поедем. К вам? А может к Женке в Ставрополь соберемся?

... Да, Джамал, наконец, женился — сколько он собирался, лет пять-шесть? Вчера заходил со своей чеченкой. Его тетка дома жила, а то бы он еще погулял, погулял... Ну, вспомни, как по ночам в карты играли, И на пельмени, и на поцелуи. Да, и на то, чтобы Рагутского разбудить.

... Конфеты? Да зачем они — я не люблю, у сына диатез. Ты Танюшке предложи, они там все сладко-ежки.

Слушай, Майка, ладно, пойду, ты звони... Встретимся? Да разве эти детки-сковородки отпустят? Какая гитара, что ты, я и забыла, как она выглядит. Ну, все, пока, кажется, муж пришел... Может, когда и свидимся.

Записала
Оксана ТАГИЛЬСКАЯ.

ТО, ЧТО аборт — дело деликатное и неприятное, знают все. А вот заявление о том, что аборт может выйти боком не только легкомысленной «маме» (см. девушке), но и вполне невинному юноше, звучит как парадокс. Однако это именно так, и чтобы не быть голословным, приведу типичный пример из жизни свердловской молодежи.

Одна «мама», известная общественности отнюдь не своей скромностью, «заболела» и слегла на больничную койку. В то время, как она со спокойной совестью глотала пилюли, за стенами лечебного дома развернулись весьма интригующие события.

Одноклассники больной, зная ее образ жизни, выдвинули закономерное предположение: «А не делает ли она аборт?» Эта идея нашла широчайший отклик. Слух распространился со скоростью сплетни. Наконец громкогласный шепот дошел до человека, о котором и пойдет речь дальше.

Юноша этот не отличался жизненной крутостью, однако у него водились деньги и имелись нужные друзья. Не ожидая подвоха и не чуя опасности, наш знакомый осведомился у подруги больной о достоверности услышанного, на что получил резко отрицательный ответ: «Ты что, козел, обкрался что

«ДИКИЕ НРАВЫ В НАШЕМ ГОРОДЕ, ГОСПОДА»...

Классик.

ль?! Ребята подьдут, жалостно прижмешь!» Ошарашенный юноша отошел, но на этом дело не кончилось.

Вышедшей из больницы «маме» подруги стали наперебой рассказывать сплетни, касающиеся ее периода лече-

коцанные вещи наводят страх еще на многих. Видимо, на них осталась тень прежних владельцев — городских авторитетов.

Такие «модные» и решили бомбануть любопытного простофилю. «Стрелки» (см.

фессионально. Специфика этого «бюро добрых услуг» состояла в том, что на вооружении их имелись так называемые «лохобойки» — пластиковые ключики и другие методы «жесткого пресинга».

Итак, после короткого делового общения сделка состоялась. Сколько она стоила, писать не стоит. Денег, сэкономленных на школьных завтраках, для подоб-

Криминальный аборт

ния. Не последним было и упоминание о нескромном любопытстве одноклассника. Негодованию не было предела. Возмущенную «девичью гордость» особенно распалила мысль о том, что с оскорбителя можно получить неустойку. На таком варианте защиты чести и достоинства «девушка» остановилась... И вот на ее зов к школе пришли они.

В народе их называют «модными». Это явление появилось тогда, когда стали всплывать поношенные фирменные вещи. Белые тапки «Саламандер», голубоглазые штаны «Адида», куртка «Бойнг» (все это, конечно, не первой свежести) — круглогодичная форма представителей экстравагантного течения. Как ни странно, по-

место и время встречи) с ним были забыты заранее, но разговор получился коротким. «Бомбили», угрожающе размахивая руками, предъявили парню неустойку в размере 500 рублей. «Жизнь покажет», — невозмутимо ответил наш приятель и не обращая внимания на многотажные тирады за спиной, отправился домой. Там он взял деньги и пошел в одно центральное кафе. Вовсе не затем, чтобы успокоить нервы коктейлем «Солнышко». За этим учреждением укрепилась слава самого крутого в городе, здесь закрепились могучая контора, состоящая из спортивно-уголовного элемента. Специализировались ребята на платных разборках и работу свою выполняли про-

ных целей, как правило, маловато. Однако полученная сумма исполнителями была отработана превосходно.

«Модные» встретились со своими «авторитетными кумирами», после чего любой мог сказать, что за ними стоит стремный косяк (см. нечто постыдное).

Казалось, справедливость восторжествовала, «модные орлы» получили свое. Но отчего так пакостно на душе? Кажется, что окунувшись в сточную канаву, да еще заплатив за это деньги. Неужели, чтобы защитить себя, нужно лишь натравливать одних на других? А в самом деле, не в милицию же идти!

С. МЕЛЬНИКОВ.

Как «голубого»

ИХ ОПРАВДЫВАЮТ и ругают в газетах, но однозначно быть в подворотнях. «Смерть голубым!» — гласит надпись на свердловском заборе. Автор этого категорического лозунга, очевидно, имел веские основания на его выдвижение. А вот как такие воззвания проводятся в жизнь.

В один из престижных свердловских вузов, успешно сдав экзамены, проник «педик». Его специфические наклонности проявились сразу же, впрочем, он и сам их не скрывал. Его откровенное признание сокурсники дружно встретили частушкой: «Голубой, голубой, не хотим играть с тобой!».

Впрочем, сальные шуточки ребят не помешали ему выбрать среди них своего будущего «партнера», весьма привлекательного юношу. Ничего не подозревающий «предмет симпатии» беспечно посещал лекции, писал конспекты, вообще вел здоровый образ жизни. К «голубому» предмету любви относился со спокойным презрением. «Горбатого могила исправит», — говорил он, отлеживаясь.

проучили

А вот тот, к кому относилось это высказывание, пошел между тем на решительные действия. После долгих нежных заигрываний он решил, наконец, обласкать любимого мужчину. Но в ответ на профессиональное движение руки получил не менее профессиональный удар в челюсть. Глаза «педика» зажались ненавистью. Любовь кончилась.

Однажды к вузу припарковался старенький «Запорожец», набитый друзьями отвергнутого. Они приехали мстить за любимого друга. Но их встретило организованное сопротивление — приемы каратэ и брызги «Карбазоли». В результате разбитый «Запорожец» постепенно ретировался.

Вот, собственно, и все происшествие. Однако, для 18-летнего гомосексуалиста оно не кончилось. Это не первый и не последний эксцесс в его сексуальной жизни. И конца им при существующем отношении к таким людям не предвидится.

В. КУЗЬМИН.

ПАРАЛЛЕЛИ

(из нашего архива)

Подборка публикаций из газеты «УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ» позволяет сопоставить проблемы обывателей Екатеринбурга 17-го и сегодняшней день.
10 января 1917 г.

«НОВАЯ ФОРМА»

Недавно местные служащие железной дороги были взволнованы находкой у заведующего лавкой железно-дорожного общества «Потребитель» самых различных товаров.

Пример припрятывания товаров в государственных магазинах при их отсутствии в частных заправочных, и вылился он в железнодорожной лавке в новую форму...

Вам известно о наличии в лавке товаров, и вдруг потребитель слышит об их отсутствии. Просит какая-нибудь жена стрелочника три аршина ситцу, а ей отвечают: «Ситец уже весь продан...» А то придет кто за сахаром, а ему говорят, что сахар весь вышел.

При дальнейшем дознании выяснилось, что заведующий с присными и сотоварищи получали товары на дом, минуя прилавок.

Все уволены...

ХРОНИКА

30 мая 1917 г.

Обеспечение сахаром. С 30 мая начинается продажа населению города сахару по талону № 10. Сахар отпускается на этот раз по 1,5 фунта на человека.

Воздорожание продуктов. Цены на свежее скотское мясо поднялись до 1 р. — 1 р. 20 к. за фунт, соответственно с этим вздорожали и другие продукты животного. Так продаются: телятина 80—90 к. за фунт, свинина 90—95 к., поросенок свежий 8 р., значительно поднялась в цене и свежая рыба.

17 сентября 1917 г.

Повышение твердых цен на хлеб. Постановлением Временного правительства от 29 августа твердые цены на хлеб увеличены вдвое.

От этой меры правительства мы вправе ожидать благоприятных результатов, но, с другой стороны, нельзя закрывать глаза на весьма серьезные отрицательные последствия, которые могут быть результатом этой меры.

В любом случае хлебные цены не оправдывают даже расходов производства, и крестьянин при продаже хлеба по старым ценам несет прямой убыток...

Подготовили
Евгений Морозов,
Вадим Дундуков,
Наталья Желтова.

ДМИТРИЙ МИНАЕВ

(1835—1889)

Любя везде совать свой нос,
Не привели еще вы в ясность,
Где скромно ставит точку,
И начинается «донос».
(1878)
Празднословие пустое,
Нестерпимо стало нам.
«Наступили дни застоя!» —
Если верить болтунам.

Ах, к чему опровержение?
На Руси и стар, и млад
Видят общее движение:
Шаг вперед и два назад.
(1881)

О том ли нужно говорить,
Что у людей по воле неба
Одна насущная потреба
На этом свете: есть и пить?
Так пощадите, ради бога,
Народ вы, русские умы!..
Ему есть нечего, а мы
Кричим,
Что пьет он очень много.

Ответственный редактор А. ЕРМАКОВ.

Над выпуском работали: О. Павлович, Е. Морозов, В. Нищенцев, А. Бочарова, Ю. Котов, М. Залогина, О. Соловьева, С. Хорошанская, А. Старикова.

Подписано к печати 20.11.90

Тираж 2000.

Заказ 645.

Цена 40 коп.

Типолаборатория факультета журналистики УрГУ.